
С. Р. СМЕРНОВ

ПОЕЗДКА В РЕСПУБЛИКУ СУДАН

В Хартум, столицу Республики Судан, я прибыл в самом начале апреля 1958 г. Основной целью моей поездки был сбор дополнительных материалов для подготовляемой мной книги по истории этой Республики. Мне предстояло ознакомиться с книжными фондами хартумских библиотек, повидаться с суданскими историками и, наконец, поездить по стране, чтобы ближе увидеть жизнь суданского народа.

В Судане имеется три высших учебных заведения: Хартумский университет, Технический институт и Учительский институт. Хартумский университет основан на базе университетского колледжа 24 июля 1956 г., т. е. через семь месяцев после провозглашения Судана независимой Республикой. В этом крупнейшем высшем учебном заведении страны обучается 850 студентов, в том числе — 24 девушки.

На 1 августа 1956 г. в университете числилось 140 преподавателей и профессоров. Среди них 75 англичан, 25 египтян, 30 суданцев и 10 представителей других национальностей. Из 19 профессоров только три суданца. Декан факультета искусств Хартумского университета профессор Мекки Шебейка является видным ученым, опубликовавшим несколько серьезных монографий. Круг его интересов весьма значителен. Он занимается и поздним средневековьем в Судане, и проблемами новой и новейшей истории. Его крупная работа — «Британская политика в Судане в 1882—1902 годах» — увидела свет в оксфордском издании в 1952 г. Кафедрой экономических наук заведует профессор Саад ад-Дин Фавзи, опубликовавший в 1957 г. в том же издании объемистый труд «Рабочее движение в Судане в 1946—1955 годах». Арабский язык в университете ведет профессор Абдулла ат-Таиб.

Только в текущем году вице-ректором университета избран суданец Наср Хаг-Али, сменивший шотландца Майкла Гранта.

В Хартумском университете имеются факультеты: сельскохозяйственный, технический, медицинский, ветеринарный, юридический, искусств (где преподаются история, арабский и английский языки, география и экономика) и так называемый факультет научных знаний, где поставлено преподавание естественных и физико-математических дисциплин.

На всех факультетах преподавание ведется на английском языке. Исключение составляют кафедра арабского языка и отделение юридического факультета, занятое изучением мусульманского законодательства. Только здесь в аудиториях слышна арабская речь.

В основе принятых программ лежат несколько приспособленные к местным условиям программы Лондонского университета. Хартумский университет выпускает ежегодные отчеты и сборники, содержащие работы не только профессоров и преподавателей, но и студентов старших курсов.

В Техническом институте на дневном отделении обучается около 500 студентов; на вечернем — около 1500.

Кадры работников средних и низших школ готовятся в Учительском институте, расположенном под Хартумом в местечке Бакт ер-Руда, и двух его отделениях в городах Диллинг и Шенди. Институт ежегодно готовит 180 учителей для низших школ и 100 для средних.

Кроме того, суданская молодежь учится в высших учебных заведениях Англии и Египта. Некоторое число студентов получает образование в Советском Союзе, Китайской Народной Республике, Болгарии, Венгрии и Чехословакии.

В первые же дни пребывания в Хартуме, при любезном содействии профессора Мекки Шебейки, с которым мы встречались в 1957 г. в Москве, я получил разрешение пользоваться библиотекой Хартумского университета. Книжные фонды библиотеки насчитывают свыше 56 тыс. томов. Меня интересовал историко-географический отдел, который располагает хорошо подобранным собранием литературы на английском и арабском языках.

Большую ценность для историка представляют отчеты суданских генерал-губернаторов (к сожалению, эти отчеты, содержащие ценные статистические данные, далеко не полностью представлены в книгохранилищах Москвы и Ленинграда), отчеты губерна-

торов провинций, стенограммы заседаний Консультативного совета Северного Судана и Законодательного собрания, отчеты отдельных министерств и правления гезирских плантаций, подшивки правительственных газет, а также книги, давно уже ставшие библиографической редкостью. Первый месяц пребывания в Судане я почти целиком провел в библиотеке над изучением всех этих весьма ценных источников. Одновременно с работой в библиотеке я занялся осмотром музеев страны и исторических памятников.

В Судане четыре музея: археологии, этнографии, мемориальный дом-музей халифа Абдаллаха (последнего правителя независимого Судана, который в течение 15 лет возглавлял самоотверженную борьбу суданского народа с англо-египетскими войсками и был убит в 1899 г.) и так называемый «музей редких заболеваний». Дом-музей халифа Абдаллаха находится в Омдурмане, бывшей столице махдистского государства. Там можно увидеть личные вещи халифа, оружие махдистских войск, предметы обихода того времени, достаточно полную коллекцию суданских монет, пожелтевшие от времени

Рис. 1. Общий вид Хартума

фотографии, а также вещи, напоминающие о захвате Судана колонизаторами, — английские пушки, винтовки и пулеметы системы «максим», боевые качества которых были проверены Китченером на плохо вооруженных суданцах, лодку Маршана, на которой он прибыл к борту английской канонерки во время знаменитого фашидского кризиса, и т. д.

Неподалеку от музея находится мавзолей махди. Мухаммед Ахмед махди умер летом 1885 г. и похоронен в Омдурмане. По проекту египетских архитекторов на месте его погребения был воздвигнут мавзолей. Войсками Китченера мавзолей был разрушен, а останки махди извлечены из могилы и выброшены. После второй мировой войны мавзолей реставрировали и открыли для посетителей. В праздничные дни около дома халифа и мавзолея всегда толпится народ.

В Музее археологии собраны интересные материалы, характеризующие различные периоды истории Судана, начиная с неолита и кончая поздним средневековьем. Археологические раскопки в Судане до последнего времени проводились силами английских ученых. Работы Аркела, Эдиссона, Ламинга, Кроуфорда и др. широко известны. Основной район исследований расположен в северной части Республики на месте некогда существовавших древних государств в районе города Вади-Хальфа, а также неподалеку от г. Атбары. Однако успешные раскопки проводились и в Сеннаре, и в Дарфуре, и даже в окрестностях Хартума.

Музей этнографии располагает богатыми коллекциями, отражающими культуру и быт отсталых народов Судана (нилотов, азанде, нуба и др.), что характеризует установки буржуазной этнографии, ограничивающей предмет изучения лишь отсталыми народами. Обращают на себя внимание интересное собрание метательных ножей азанде и великолепные изделия дарфурских ремесленников — кольца, кинжалы, мечи и пр. В этом же музее выставлены личные вещи и оружие последнего султана Дарфура Али-Динара, погибшего, как и халиф Абдаллах, под английскими пулями. Я посетил также поле Керрери под Омдурманом, где в сентябре 1898 г. произошло решающее сражение между войсками махдистов и армией Китченера. С высокого холма Сурган, который во время боя подвергся яростным атакам англичан, видно извилистое ложе Голубого Нила и затянутый голубоватой дымкой Омдурман.

В архиве Министерства внутренних дел в Хартуме хранится свыше 50 тысяч уни-

кальных документов периода махдизма. Лишь незначительная их часть в английском и далеко несовершенном переводе была приведена Ф. Р. Вингейтом в его известной работе «Махдизм и Египетский Судан». В 1903 г. Наум Шукейр опубликовал серию писем махди и халифа Абдаллаха в третьем томе своей «Истории Судана». В дальнейшем публикация документов архива осуществлялась в еще меньшем количестве. Трудно переоценить значение этих материалов для изучения природы махдистского государства, анализа общественных отношений, существовавших в то время в Судане, для правильной характеристики внутренней и внешней политики правящей махдистской верхушки. В 1950 г. в Хартуме, под редакцией Холта и Филла, был опубликован сборник, содержащий аннотацию переписки халифа с одним из видных военачальников — Махмудом Ахмедом; переписка велась в 1897—1898 гг., т. е. во время наступления армии Китченера на Хартум. Аннотировано 440 писем. Анализ только этих материалов уже дает возможность судить о внутреннем положении махдистского государства незадолго до его крушения.

Правительство Республики Судан вынесло специальное решение о строительстве нового помещения для архива. С помощью кондиционированного воздуха в помещении будет поддерживаться температура, наиболее благоприятная для хранения ценных рукописей. Дальнейшие публикации материалов архива будут встречены научной общественностью с большим интересом.

План моей работы в Судане предусматривал непосредственное знакомство со страной. Мне удалось посетить ее основной хлопководческий район — Гезиру (по-арабски «гезира» означает «остров», «полуостров»), находящийся в треугольнике, образованном руслами Белого и Голубого Нила. Здесь под плантациями, орошенными с помощью Сеннарской плотины, находится около миллиона федданов земли.

Уже неподалеку от Хартума начинаются необозримые поля Гезиры, разрезанные многочисленными каналами на правильные квадраты. Длина главного канала, питающего всю систему, превышает 300 км; ширина ложа на первых 60 км достигает 40 м. В Гезире только одних арендаторов, которые вместе со своими семьями постоянно живут в здешних местах, насчитывается свыше 33 тысяч человек. На этом огромном хлопковом комбинате трудятся не только суданцы. По дороге мы встретили большую деревню, хижины которой отличались своеобразием; как потом выяснилось, в этой деревне живут нигерийцы. В Гезире работают примерно 40—50 тысяч выходцев из Западного Судана. Они, живя подолгу в Судане, сохраняют свой язык, культуру, особенности быта. Таким образом, открываются возможности этнографического изучения непосредственно в Республике таких народов, как хауса, фульбе, канури и др.

Ван-Медани, административный центр провинции Голубой Нил, сравнительно молодой город. Он рос и развивался вместе с расширением хлопковых плантаций и сейчас уже насчитывает около 48 тысяч жителей. В центре его находятся правительственные учреждения, магазины, благоустроенный отель, кинотеатр, стадион, мечеть, рынок (сук). Город с его широкими улицами, набережной, закрытой густыми кронами вечнозеленых деревьев, оживленным красочным базаром очень красив.

Из Ван-Медани я направился в Сеннар — административный центр одного из районов провинции. По сторонам широкой накатанной дороги потянулись хлопковые поля. Когда-то, больше ста лет тому назад, в этом же направлении двигался небольшой отряд нашего соотечественника Егора Ковалевского. Этот замечательный исследователь — геолог, писатель, этнограф и дипломат — был первым русским, увидевшим Судан. Тогда почти никто из суданцев не знал о далекой северной державе, а сейчас редко кто из них не слышал о Советском Союзе и его прославленных спутниках земли.

После Хартума и Вад-Медани Сеннар показался совсем маленьким городком. Некогда, больше четырех столетий назад, неподалеку от современного Сеннара находилась столица султаната фунгов, в границы которого входила большая часть территории Республики. Исторических памятников той эпохи почти не сохранилось, но мне хотелось своими глазами увидеть этот район страны, колыбель современной суданской цивилизации. Величественна знаменитая Сеннарская плотина. Бетонный пояс перемычки, протянувшейся более чем на 3 км, перегораживает мутноватые воды реки.

Вскоре после поездки в Гезиру я отправился в единственный морской порт страны — Порт-Судан (рис. 3). Это типичный приморский город. На широких центральных улицах в комфортабельных виллах, окруженных зеленью пальм, по-хозяйски разместились представительства иностранных фирм и компаний. В городе много магазинов, вместительных складов, маленьких палаток мелких торговцев. Но, кроме того, здесь есть ремонтные мастерские, доки, кустарные предприятия, изготавливающие обувь, одежду, предметы первой необходимости. Население города значительно отличается от населения Хартума и Омдурмана. В нем много рабочих — грузчиков, механиков, чернорабочих, землекопов, матросов с судов каботажного плавания и людей, готовых за самое скромное вознаграждение взяться за любую работу. Трудовой люд Порт-Судана активно участвовал в национально-освободительной борьбе, и стачки портовых рабочих отличались особым упорством.

Здесь же в Порт-Судане я видел беджа (рис. 4). В течение тысячелетий они занимались кочевым скотоводством — разводили овец, коз, верблюдов, сохраняя племенной уклад жизни. На окраинах города беджа ютятся в ветхих домишках, умудряясь не расставаться с немногочисленными стадами мелкого рогатого скота. Мне пришлось близко наблюдать представителей двух родственных племен беджа — хадендоа

и бишарин. Некоторая часть хадендоа уже перешла к оседлости, работая в районе Кассалы на хлопковых плантациях. В Порт-Судане хадендоа и бишарин работают грузчиками, чернорабочими, подсобными рабочими на строительстве. Небольшое хозяйство, дающее им молоко и изредка мясо, позволяет сводить концы с концами. Они сохраняют традиционную форму одежды, резко отличающуюся от суданской, и пышные, столь характерные для них прически. Как выяснилось, даже в городских условиях

Рис. 2. Хабуб (песчаная буря) над Хартумом

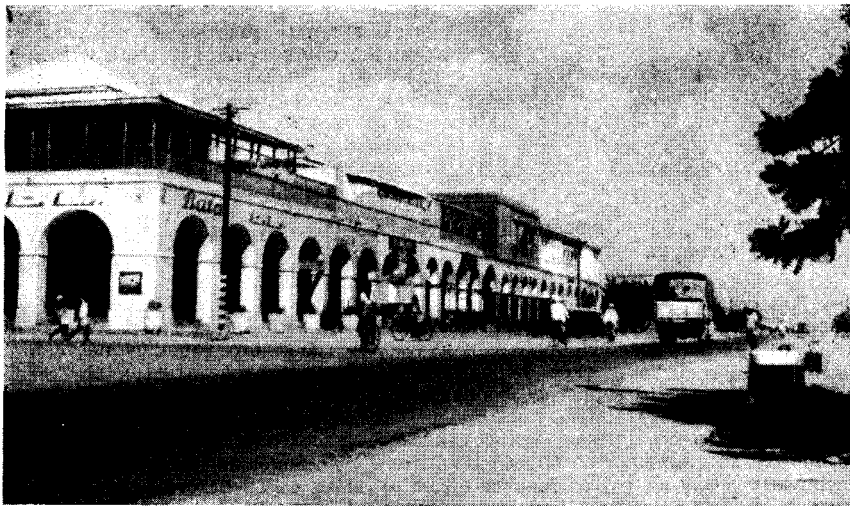

Рис. 3. Улица в Порт-Судане

продолжают существовать племенные подразделения, во главе которых стоят традиционные вожди. Антропологический тип хадендоа и бишарин весьма своеобразен. В отличие от суданцев в них не чувствуется влияния негроидной крови. Носы у них узкие и хрящеватые, с горбинкой, губы тонкие, прогнатизма нет.

Из Порт-Судана я отправился в Суакин, один из древнейших портов Красноморского побережья. Суакинская гавань, удобная для стоянки парусников и судов малого тоннажа, оказалась непригодной для приема современных лайнеров. Сейчас некогда оживленный город почти совсем покинут. Пустые коробки домов постепенно разваливаются. На узких улицах, занесенных песком и щебнем, в поисках случайного корма бродят овцы и козы все тех же хадендоа, сменивших в силу ряда обстоятельств шатер кочевника на ветхие дома опустевшего города.

Исключительно интересной была для меня поездка в Южный Судан (в Экваториальную провинцию). Южный Судан резко отличается от Северного и в этническом и в географическом отношении. Он заселен негроидными народами — нилотами, говорящими на нилотских языках и составляющими примерно одну треть населения Республики. В период английского колониального господства Южный Судан считался закрытым районом, и доступа туда для путешественников, туристов и ученых не англо-саксонского происхождения не было. Наиболее многочисленные народы Южного Судана — шиллук, динка, нуэр, бари, мади, ачоли и др.; колониальные границы разрезали территорию обитания этих народов. Так, большая часть мади живет за пределами Судана в английской колонии Уганде; то же можно сказать и о бари. Все эти народы имеют много общего в отношении культуры и быта и говорят на близко родственных языках, принадлежащих к одной лингвистической семье.

Рис. 4. Воин-беджа из племени бишарин

Из Хартума через Малакаль я за 4—5 часов прилетел в Джубу, административный центр самой южной провинции Республики, и направился в Нимуле — небольшой поселок, расположенный на крайнем юге ее, у границ Уганды. Неподалеку от этого поселка, ограниченный с одной стороны Бахр Эль-Джебелем, а с другой — невысокими холмами Уганды, на десятки километров протянулся государственный заповедник. Здесь на свободе живут слоны, носороги, газели и другие представители богатой африканской фауны. Уже в пути я с интересом наблюдал небольшие чистенькие деревеньки мади. Каждая деревня состоит из 7—10—15 хижин. По кругу выкапывается канава, в которую закладывают глину. В этот «фундамент» забивают колья — остои для плетня, который обмазывают затем толстым слоем глины, смешанной с мелко нарубленной соломой. Конусообразная крыша, сделанная из толстых травяных матов, настланных на легкий каркас из гибких жердей, покоится на подпорках — вкопанных по кругу возле стены толстых кольях. Пол устлан циновками. Свет проходит в довольно широкую дверь. Все имущество обитателей хижины легко размещается на подвесных полках, в легких корзинах и на полу. Пищу готовят возле дома на очаге.

Деревни окружены небольшими полями — огородами, на которых мади выращивают просо, огородные культуры, табак. В основном в этом районе разводят мелкий рогатый скот — коз и овец. Но ближе к г. Джубе, где много хороших пастбищ, преобладает крупный рогатый скот породы зебу. Сельскохозяйственные орудия мади чрезвычайно просты. Это серпы, своеобразные косы-ножи, которыми «срубают» траву, различной формы мотыги.

Несколько слов об одежде южносуданского населения. Правительство неоднократно проводило кампании по борьбе с наготой. Уже большая часть мужчин сменила набедренную повязку на трусы. Многие носят рубашки европейского типа. Не редкость встретить женщину в простеньком платье. Весьма серьезное препятствие на пути проникновения новых форм одежды — исключительная бедность населения; далеко не каждый может приобрести даже самую дешевую одежду или материал для нее.

В тропических лесах Экваториальной провинции много дичи, которая играет существенную роль в пищевом рационе населения. Я встречал охотников, отправляющихся на промысел, вооруженных только луками и копьями. Огнестрельного оружия у нилотов мне видеть не приходилось: все еще действуют законы, запрещающие жужанам иметь даже дробовики. Кроме того, и самые дешевые ружья им явно не по средствам. Однако дичи в этих районах Судана так много, что ее без особого труда ловят всякого рода петлями, силками и пр. Дополнительное питание южан составляют разнообразные фрукты. Осенью созревают ананасы. Их такое изобилие, что каждый может свободно набрать любое количество плодов. Но, как это ни странно, ананасы, растущие на юге, в большие города севера не вывозятся, — не хватает транспортных средств.

В Джубе я с интересом осмотрел местный базар. По-видимому, развитие товарно-денежных отношений и в этом глухом уголке страны зашло достаточно далеко. На

базарной площади собирается сравнительно много народа. Торгуют самыми разнообразными товарами: зерном, курами, выделанными козьими шкурами, цинковками, глиняной посудой, дровами.

Находясь в Судане, я внимательно приглядывался к окружающей меня жизни, запоминая интересные для этнографа факты, проверяя уже высказанные в печати положения. Я продолжаю придерживаться того взгляда, что в Северном Судане происходит интенсивный процесс становления единой суданской нации — процесс, близкий к своему завершению. Не ставя себе целью в достаточной степени осветить здесь

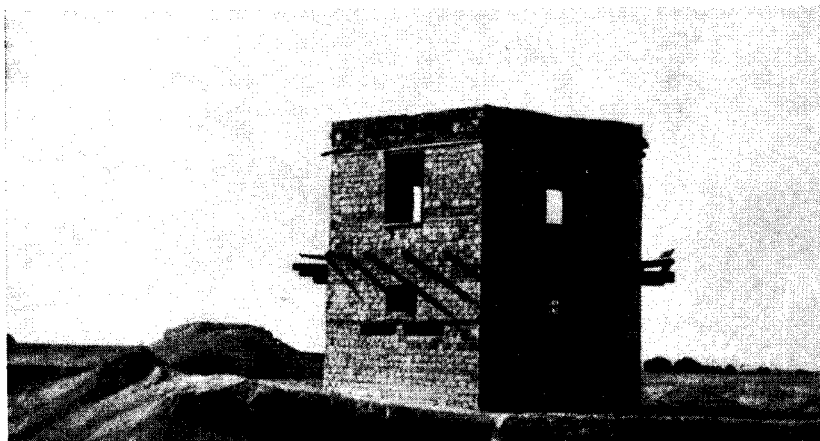

Рис. 5. Древний форт в районе Суакина

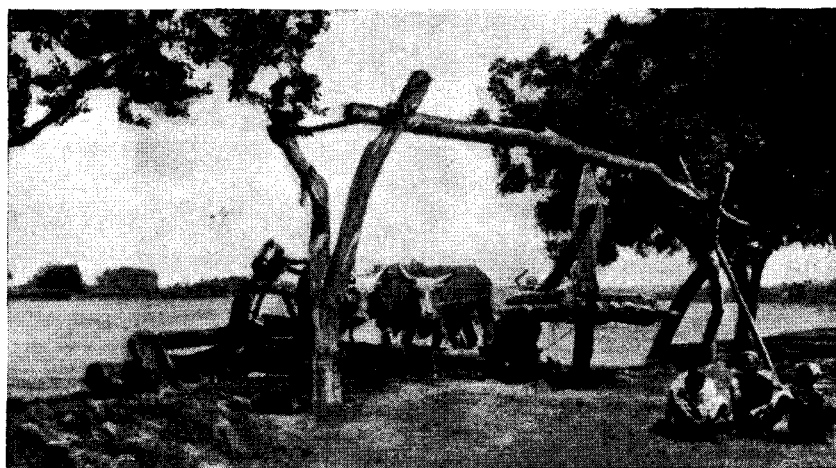

Рис. 6. Водоподъемное колесо — сакия

эту сложную проблему, я все же хотел бы высказать некоторые частные соображения по этому вопросу. Совершенно очевидно, что арабский язык становится национальным суданским языком. Так, согласно данным переписи, в Хартуме в 1957 г. проживало 93 103 чел., в том числе арабов — 40 632, нубийцев 16 927, горных нуба 3869. Однако, несмотря на сложный этнический состав населения, подавляющее большинство жителей города (83 144 чел., или 89,3%) говорит на арабском языке. Из 16 927 нубийцев на диалектах своего родного языка говорит всего 676 человек, а из 3869 горных нуба родным языком пользуются лишь 648 человек.

Подобную картину можно наблюдать в Вад-Медани, где из 47 677 жителей арабов насчитывается около половины (24 580), но по-арабски говорят 44 276 человек (т. е. 92,9%). Мне много приходилось беседовать с коренными жителями Хартума. И нубийцы, и выходцы из арабских племен в первую очередь говорят, что они суданцы. При настойчивых расспросах об их происхождении они сначала указывают на место рождения отца или деда — Донголу, бербер, Эль-Обейд, а уже затем вспоминают свою былую племенную принадлежность. Слов нет, длительное английское империа-

ликтическое господство способствовало консервации племенных образований, и внешняя племенная структура все еще достаточно сильна в ряде удаленных от центра страны районов, но общая и неодолимая тенденция в развитии этнических общностей — это окончательное стирание племенных перегородок и слияние отдельных народностей и племен в единую северосуданскую нацию, неотъемлемую часть арабского мира.

Другая сторона этого процесса видна в рождении общесуданской национальной материальной культуры. Национальная культура проявляется в специфических формах одежды, жилища, украшений, в способах приготовления пищи, в особом характере

Рис. 7. Суданский крестьянин у шадуфа (водоподъемного сооружения)

национальной литературы, театра, живописи, музыки и т. д. Внешняя сторона всех этих явлений находит свое выражение в создании общенациональных учреждений — клубов, научных обществ, разного рода национальных организаций. По моим наблюдениям, в Хартуме, Эль-Обейде, Вад-Медани, Сеннаре, Суакине, Баракате, а также в сельских районах центральной части Республики господствуют одни и те же формы одежды. Подлинно национальной одеждой суданца являются: «галябия» — длинная рубаша с широкими рукавами и глубоко вырезанным воротом, просторные хлопчатобумажные штаны, спускающиеся несколько ниже колен, сандалии на грубой кожаной подошве и «мойя» (тюбан), накрученный на небольшую шапочку — «тагию». Женщины носят длинное платье с закрытым воротом и широкую легкую шаль, которой закрывают плечи, голову, а иногда, особенно при виде европейца, и нижнюю часть лица. Во время праздников, когда народ заполняет улицы, больно глазам от ослепительно белых галябий и столь же белых искусно накрученных тюбанов. Суданцы — исключительно чистоплотный народ. Я встречал иногда старую, порванную галябию, но и она, как правило, была очень чиста.

Европейскую одежду носят чиновники, работники магазинов, студенты, интеллигенция. Часто суданец отправляется на работу в европейском костюме, а дома, в часы

досуга, надевает привычную галябию. Мне приходилось встречать несколько модернизированные галябии, носящие черты европейской одежды: вместо обычного низкого ворота пришит воротничок, ничем не отличающийся от воротничков английских рубашек. В Омдурмане встречаются галябии с широкими лацканами, какие бывают у обычного европейского пиджака. Но галябии — не рабочая одежда. На поле крестьянин трудится в коротких свободных штанах или в трусах европейского покроя. Сказанное отнюдь не противоречит тому факту, что в различных районах страны еще бытуют формы одежды, характерные для того или иного племени или народности.

Что касается жилища, то едва ли можно говорить о каком-то особом типе суданского городского дома. По-видимому, в Хартуме, Порт-Судане и некоторых других городах интенсивное строительство началось после завоевания Судана армией Мухаммеда Али. В основном городское строительство шло под руководством египетских архитекторов. На окраинах городов беднейшие слои населения жили либо в тукулях (хижинах), либо в небольших глинобитных домах нубийского типа, которые по существу ничем не отличались от обычного деревенского дома египетского феллаха. Это

Рис. 8. Базар в Эль-Обейде

четыреугольные в плане хижины с плоской крышей, которая служит одновременно складом для овощей и фруктов. Окна в таких домах небольшие. Если дом состоит из нескольких комнат, то одна из последних от входа предназначена для женщин. Обычно дома как в деревне, так и в городе обнесены глухой глинобитной стеной. В деревнях зачастую жилища феллахов состоят из одной комнаты, но нередко встречаются вместительные дома, имеющие три, а то и четыре комнаты.

Центральные улицы Хартума, Порт-Судана, Эль-Обейда и некоторых других городов Республики застроены изящными двух- или трехэтажными виллами. Необходимая деталь каждой такой виллы — широкая веранда, со всех сторон продуваемая ветром. Виллы обычно окружены небольшими садами. На клумбах посажены декоративные цветы.

Окна городских домов, как правило, с наружной стороны закрываются решетчатыми рамами, которые во время хабубов — песчаных бурь — задерживают пыль и песок. Тукули, традиционные жилища Кордофана, неоднократно описывались и в русской литературе. Это круглые в плане хижины, с низкой глиняной стеной и высокой конусообразной крышей, обычно соломенной, покоящейся на каркасе из гибких жердей. Еще в начале XIX в. подобного типа жилища преобладали в большинстве городов Судана. Сейчас на железнодорожных станциях Республики все необходимые подсобные помещения по внешнему виду напоминают тукули, но они сделаны уже из другого материала — кирпича, цемента, железа. В этом весьма оригинальном строительстве безусловно проявляются элементы национальной суданской архитектуры.

В апреле почти все население Северного Судана соблюдает известный мусульманский пост рамадан, во время которого предписаниями ислама запрещено есть и пить с восхода до захода солнца. Учреждения во время поста открыты не весь рабочий день; увеселительные заведения — кабаре, кино и рестораны — посещает сравнительно мало людей. Окончание поста, как известно, отмечается трехдневным праздником — байрамом. В Хартуме байрам носит характер подлинно народного праздника, веселятся и радуются взрослые и дети, улицы города заполняются нарядной оживленной толпой. Из северного Хартума в Омдурман под резкий барабанный бой, четко печатающая шаг по асфальту набережной, движутся колонны последователей секты хатмия. Демонстранты что-то поют, и одна и та же музыкальная фраза, печальная и заунывная,

повторяется много раз. В Омдурмане к дому махди в таком же строгом порядке направляются приверженцы секты ансар.

Несколько слов о ремесленном производстве. На рынки городов и крупных селений поступают различные изделия местных кустарей — корзины, глиняная посуда, изделия из кожи, железа и меди, изящные безделушки из слоновой кости и эбенового дерева. В хозяйстве и городского жителя, и крестьянина корзины различного объема и формы находят самое широкое применение. Одноручные корзины служат для сбора хлопка, овощей, плодов; в больших двуручных корзинах хранят зерно и перевозят продукты; наконец, во вместительных полукорзинах-полумешках, сплетенных из волокнистых высушенных трав, перевозят грузы на ослах и верблюдах. На рынки страны поступают разнообразные кожаные изделия: красиво орнаментированные подушки, бумажники, дамские сумочки и портфели, бьюары для бумаги и т. п. Большим спросом со стороны туристов пользуются поделки из крокодиловой и змеиной кожи.

Разнообразен ассортимент представленных на рынке глиняных изделий: мисок, чашек, рукомойников, огромных сосудов для хранения зерна и т. п. В многочисленных швейных и сапожных мастерских изготавливают галябии, рубашки, женские платья, головные уборы и т. п.

Особая отрасль суданского ремесленного производства — резьба по слоновой кости. Обычно резчик по слоновой кости одновременно работает и с другим материалом — эбеновым деревом, употребляя в процессе работы те же самые инструменты. В маленьких магазинчиках омдурманских купцов-предпринимателей, часто в этом же помещении, трудятся шесть-семь кустарей. Здесь можно приобрести ножи для разрезания бумаги, фигурки слонов, львов, верблюдов и газелей, изящные шкатулки, бусы и браслеты.

На рынках Хартума и Омдурмана можно также приобрести очень тонкие по исполнению изделия из меди и серебра — легкие блюда, чаши, всякого рода украшения. Многие из этих вещей — подлинные произведения искусства — по праву могли бы занять почетное место в любом музее мира, свидетельствуя о неисчерпаемых возможностях народного суданского творчества.

За время поездки я встречался с учеными, политическими деятелями, журналистами, издателями, преподавателями. Беседы со всеми этими людьми, с симпатией относящимися к Советскому Союзу, помогли лучше узнать страну, по-новому осмыслить историю суданского народа. В памяти осталось много интересных встреч. В Омдурмане живет один из активных участников махдистского восстания Абд ар-Рахим, опубликовавший несколько книг по истории Судана. Беседы с человеком, близко знавшим самого халифа Абдаллаха и его ближайших сподвижников, помогли выяснить некоторые важные для меня вопросы. Я познакомился также с сыном халифа — Османом Халифа и его двумя внуками.

Осман Халифа, основатель новой прогрессивной партии — национального освобождения, хорошо знающий период махдизма, любезно ответил мне на подробный вопросник, касающийся общественной структуры махдистского государства. К сожалению, мне не удалось посетить сына махди, одного из крупных политических и религиозных деятелей Судана — Абдурахмана ар-Махди, так как он в это время выехал за границу. Но я все же встретился и имел беседу с его сыном — Садыком Абдурахманом ар-Махди, видным политическим деятелем партии Аль-Умма.

В Омдурмане я навестил бывшего главного кади Судана — Хасана Мудассира, широко образованного человека, живо интересующегося историей своей страны. Очень полезной для меня была беседа с директором хартумской средней школы, преподавателем истории Мохаммедом Солиманом. Его подробная рецензия на мою книгу «Восстание махдистов в Судане», опубликованная в журнале «Новое утро», говорит о пристальном интересе суданской общественности к работам советских авторов.

Считаю своим приятным долгом выразить глубокую благодарность суданским ученым, общественным деятелям, преподавателям и всем тем, кто помог мне в работе. Я благодарен также послу Советского Союза в Судане Л. Ф. Теплову и сотрудникам посольства, создавшим наиболее благоприятные условия для моей работы.